

Борис Штейн

СОЛНЦЕ НА ПЕРЕКЛАДИНЕ

Борис Штейн

Солнце на перекладине

«Книга-Сэфер»

Штейн Б. С.

Солнце на перекладине / Б. С. Штейн — «Книга-Сэфер»,

Повесть известного писателя Бориса Штейна «Солнце на перекладине» – один из лучших образцов молодежной советской прозы. Ее герои – молодые гимнасты. Они взрослеют, мужают, влюбляются, ищут себя в спорте и жизни. Повесть несколько раз издавалась в Таллине, в Москве, в Ленинграде и пользовалась неизменным читательским успехом.

Содержание

1. Эх, Балясный!	5
2. Все началось на пляже	7
3. Самым трудным был все-таки прыжок	10
4. Отцы оказались в полном порядке	13
5. Глупая, но добрая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Борис Штейн

Солнце на перекладине

1. Эх, Балясный!

– Балясный, – сказал тренер с плохо скрываемым азартом.

– А теперь так попробуй: стойка с маха и соскок с двойным сальто. А?

Балясный молча подошел к брусам.

– Пошел! – тихо сказал тренер.

Балясный вышел на стойку, замер на две-три секунды и сделал сильный мах. В конце маха он оторвался от снаряда, сгруппировался – пошла крутка. Поймав мгновение, тренер подбил Балясного ладонью, закрутив еще сильнее тщедушное, собранное в комочек тело. Балясный сделал, таким образом, двойное сальто и опустился в мягкую, можно сказать, всепрощающую стружку. Выпрямился, с трудом удерживая равновесие в поролоновой яме, ритуально поднял кверху обе руки и повернулся к тренеру, обратив на него взгляд, полный грусти.

– Ну, Балясный, – сказал тренер, – ты даешь! Это ты уже по мастерам работаешь, Балясный!

Балясный заплакал.

– А вот это ты, Балясный, зря. Это ты слишком эмоциональный. У спортсмена, Балясный, должна быть устойчивая психика. Так что перестань реветь, Балясный!

Но Балясный плакал потихоньку.

И тогда Вова Розенталь сказал отважно:

– Он не потому плачет, что эмоциональный. Он из-за вас плачет.

– Из-за меня? – удивился тренер.

– Из-за вас, – подтвердил Вова. – Вы обещали отпустить его в одиннадцать тридцать, а сейчас уже двенадцать. А у них в садике сегодня в двенадцать уже обед.

– Ты из-за этого, Балясный? – еще сильнее удивился тренер.

Балясный кивнул, шмыгнув носом.

– Из-за этого расстраиваешься? Такой соскок сделал – и расстраиваешься?

Тренер не понимал Балясного. А Балясный не понимал тренера.

– Да-а, – протянул он, сглотнув слезу, – а у нас сегодня на обед молочный суп!

– Вот как! – сказал тренер, потому что больше никаких слов близости не оказалось. – Вот как, – сказал он и посмотрел на остальную группу.

И остальная группа в количестве шести перспективных спортсменов сочувственно закивала головами. Дескать, соскок соскоком, а молочный суп – молочным супом. Нет супа вкуснее молочного. И нет такого садика, где бы его давали каждый день. Правда, вся остальная группа в этом году уже училась в школе, но прошлогодние проблемы еще были живы в памяти.

– Ладно, Балясный, – сказал, подумав, тренер. – После тренировки я сам отведу тебя в диетическую столовую и накормлю молочным супом. Согласен?

– Согласен, – всхлипнув, отозвался Балясный, – если только он будет с макаронами.

– А какой же еще бывает молочный суп? – воскликнул озадаченный тренер, обращаясь опять к остальным перспективным спортсменам.

И вся остальная группа ответила, что бывает еще с рисом, а это хуже.

– Хуже, лучше, – проворчал тренер. – Продолжаем тренировку.

И вызвал к снаряду Вову Розенталь.

Вова был старше всех в группе. Он был переросток. Ему уже стукнуло восемь, и он ходил во второй класс. В его годы люди уже работают по первому юношескому или даже по третьему взрослому. А он начал только этой осенью.

Тренер старательно вывел Вову на стойку, силой оторвал от брусьев и, покрутив в своих руках, бросил в поролон. И проговорил, не глядя на Вову:

– Эх, Балясный, Балясный...

2. Все началось на пляже

Вообще Вова Розенталь, сколько он себя помнит (а помнит он себя года четыре), всегда спал крепко. Дети вообще спят, как правило, крепко, потому что день для них велик. День один и для них, и для взрослых. А они маленькие. Взрослый делает один шаг, а ребенок два. Или даже три. И у ребенка слишком много переживаний. Потому что полно невероятного, а все хочется понять. Например, мультики по телевизору. Сколько в разных квартирах телевизоров, а везде одни и те же мультики. Как это получается? Или динозавры. Это самые первые животные на земле. А они – откуда взялись? Самый-самый маленький динозаврик – откуда получился? Непонятно. От этого тоже устаешь. Кроме того, дети, как известно, во сне растут. Особенно если им снится, что они летают. Вове никогда, правда, не снилось, что он летает. Может быть, поэтому он такого сравнительно небольшого роста... Одним словом, сон у Вовы хороший. Ему, признаться, вообще почти никогда ничего не снится – такой у него крепкий сон.

Но однажды в конце лета случилась у него бессонная ночь, когда он то засыпал, то просыпался, то видел сон, и сон ему не нравился, и он его мысленно переделывал и засыпал, переделав, то опять просыпался и вспоминал то, что было на самом деле, и воспоминания ему не нравились, и он их тоже мысленно переделывал и, переделав, ненадолго засыпал. Это его первая, насколько он себя помнит, бессонница была связана с открывшейся в городе школой спортивной гимнастики – специализированной школой олимпийского резерва, в которой теперь Вова, слава богу, занимается.

Все началось на пляже одним из последних погожих дней лета. Море было уже холодным – Балтийское море не успевает за лето как следует прогреться. Море было холодным, купались в нем мало, но на широком песчаном пляже кипел, гудел веселый человеческий улей.

А Вова Розенталь и его папа – тоже Вова Розенталь, Владимир Розенталь-старший, стояли близ пляжного спортивного комплекса, обсыхали после купания и вели неторопливый разговор. Только что Вовин папа проиграл партию в волейбол, вернее, проиграла его команда, и, надо отдать Вовину папе должное, в этом проигрыше была немалая его заслуга. Было похоже, что Вовино папу не возьмут на следующую игру, и он, поняв это, пошел купаться, потому что был все-таки разгорячен. Сам Вова тоже был разгорячен, потому что во время игры он бегал за мячом, когда папина команда его пропускала, а папина команда пропускала мяч часто, так что Вову совсем загоняли. И вот они оба, разгоряченные и слегка расстроенные, окунулись в холодные волны Балтийского моря и теперь обсыхали и вели, как уже было сказано, неторопливую беседу.

Вовин папа кивнул на трехметровый канат, подвешенный на перекладине комплексного гимнастического станка, и сказал:

– Без ног, а?

Вова некоторое время смотрел на канат, потом пошевелил пальцами ног и возразил:

– С ногами.

– Без ног, но до середины, – сказал Вовин папа Владимир Розенталь. – До середины – и бутылка лимонада.

Вовин папа с большим энтузиазмом относился к физкультуре и спорту. Он справедливо полагал, что физические упражнения и спортивные игры мало того, что полезны для здоровья, – доставляют острое эмоциональное наслаждение и воспитывают, с одной стороны, упорство, а с другой – умение мужественно переносить поражение. А это последнее качество ценилось им в силу ряда обстоятельств выше, чем многие другие.

Сам же он никогда не был хорошим спортсменом. У него просто-напросто отсутствовали природные данные. Природа подшутила над ним, вложив спортивную душу в неспортивное тело.

В университетской характеристике куратор, в котором доброжелательность пыталась ужиться с объективностью, написал про Владимира такие слова: «...увлекается спортом, является инициатором многих спортивных состязаний, но лично ни в одном из видов высоких результатов достичь не сумел...»

У сына же, кажется, присутствовали некоторые спортивные данные, во всяком случае, в это хотелось верить, как некоторое в этом смысле возмещение.

И в этот упомянутый августовский день отец подвигал сына залезть по трехметровому канату, не прибегая к помощи ног. Как раз это упражнение ему самому в свое время удавалось.

День, как уже было сказано, стоял теплый, даже жаркий, и лимонад, стало быть, манил. Вова живо представил себе моментальную пену и стреляющие пузырьки и тут же ощутил прилив сил и полную готовность дотянуть на руках до золотой середины.

И вдруг Сережа Балясный – тогда еще не было известно, что это Сережа Балясный, тогда это был просто-напросто незнакомый пацан, – вдруг этот маленький, щупленький, абсолютно детсадовский пацан подошел к довольно толстому для него канату и именно без помощи ног легко по нему забрался. Причем не до середины, а до конца. Потом спустился – также без помощи ног – и без паники удалился, шурясь на солнышко.

Но удалился всего лишь шагов на пять-шесть, от силы десять, так как был остановлен молодым человеком с тонким лицом и могучим торсом, и этот человек стал Сережу расспрашивать: как зовут, и сколько лет, и кто родители, – и мама Сережина тут же подошла; а что касается молодого человека, то это был, как нетрудно догадаться, тренер по спортивной гимнастике.

Честно говоря, Владимир Розенталь обратил внимание сначала не на тренера, а на маму Сережи Балясного, потому что мама была яркая и на ней останавливался взгляд. При ближайшем рассмотрении она оказалась женщиной довольно бледнокожей, но купальник у нее был яркий – под цвет глаз, а глаза – под цвет моря. Волосы светлые, чуть рыжеватые, выющиеся мелким бесом, набитые теплым ветром, напоминали случайное облачко. Длинные худые руки не находили себе места, ключицы ясно обозначались под незагорелой кожей, и все это вместе – и руки, и ключицы, и нелепые волосы, и большие глаза, и яркий купальник – составляло такую удивительную дисгармонию, что так и просилось на цветной снимок. Движения ее тоже были какими-то неловкими, нескоординированными, что вредило бы другой женщине, а этой, как ни странно, шло.

Зато сын ее, как теперь уже выяснилось, Сережа, отличался ловкостью и гибкостью и по просьбе тренера сделал мостик. И тренер записал его в блокнотик и попросил маму прийти в четверг в спортклуб – уже на родительское собрание. Так судьба юного Балясного была решена, что называется, с быстротой взмаха шариковой авторучки.

Владимир Розенталь в одно мгновение утерял – даже чисто художественный – интерес к женщине и уставился на тренера. Наверное, это был хороший тренер, во всяком случае, догадливый. Потому что избавил Розенталь-старшего от обращения и просьбы: ведь обращаться и просить всегда непросто. Он избавил Розенталь-старшего от этого неудобства – он просто кивнул на Розенталь-младшего и произнес лаконично: – Пусть залезет.

И Розенталь-младший без лишних слов направился к канату.

Он лез не так легко и красиво, как Сережа Балясный, но все-таки лез. И ноги у него не были, как у Сережи, вытянуты в струнку – они болтались, как пришитые, но все-таки за канат не цеплялись, и Вова, стало быть, лез на одних руках. Более того: достигнув середины каната, он не прекратил усилий, он стал только сильнее дергаться всем телом и извиваться, продолжая тем не менее поступательное движение вверх. И достиг таким образом верхней перекладины, заработав уже не лимонад, а по меньшей мере пепси-колу. Но его это заслуженное вознаграждение в данном случае не интересовало: его в данном случае интересовало другое, и Вова Розенталь, потряхивая утомленными руками, вопросительно уставился на тренера.

Папа Розенталь тоже взглянул на тренера, но не столь вопросительно, сколь торжествуяще, ожидая безусловной похвалы и взмаха шариковой ручки.

Но тренер здесь-то как раз и не спешил. Вове пришлось делать мостик. Он сделал его без легкости и изящества, с большим трудом он его сделал: лег на спину, потом, пыхтя, выгнулся, причем голова все никак не отрывалась от песка, все ж, правда, оторвалась, но ненадолго.

И тренер сначала не стал его записывать. Потом все-таки записал – без охоты. И то – только на испытательный срок, и только под папиным напором, и только после того, как папа признался, что он фотокорреспондент.

Окинул острым взглядом Вову, потом папу и записал без охоты, пробормотав при этом: – Стенд оформите в случае чего. Этой ночью Вова плохо спал.

Ему снился канат и как он лезет по нему, лезет, и уже должна быть перекладина, а ее все нет и нет, и он смотрит вверх и понимает, что ее не будет никогда: канат уходит далеко в небо. И Вова болтается между небом и землей. Он проснулся в страхе, вспомнил свой сон и подумал, что, наверное, он сейчас растет, и опять уснул, и опять канат ему снился, и цепкий, как кошка, дошкольник Сережа карабкался по канату, а Вова на канате уже висел, и Сережа карабкался прямо по Вове действительно как кошка и, оттолкнувшись от Вовиных плеч, и головы, и лица, уходил в небо как ракета.

Вова проснулся и опять прогнал из кровати котенка. Котенок выспался днем, а сейчас играл Вовиным ухом.

И тогда Вова стал вспоминать, как все это на пляже днем происходило, как он еле-еле, как говорит иногда папа, пыхтя и отдуваясь, одолевал чертов канат, а незнакомый малыш все проделал, как говорит тот же папа, шутя и играя. И было Вове обидно, и в голову приходила такая мысль, что это он, Вова, должен бы сделать все шутя и играя, а тот пацан – пыхтя и отдуваясь. И он начал представлять себе, как бы это было славно, и так в его воображении все получилось хорошо, что он уснул наконец.

На другой день Вова сказал маме:

– Мама, меня записали в спорт.

– Ну! – откликнулась мама. У нее было, как говорил папа, электрическое утро. Она одновременно сушила волосы феном, натирала лицо кремом и просматривала журнал. И все время посматривала на часы. Папа принес ей кофе, и мама его каким-то чудом умудрилась отхлебнуть и даже сказала папе, что кофе слишком горячий.

– На пляже был тренер, – между тем рассказывал Вова, – и говорит мне: «Мальчик, залезь по канату без ног». Я взял и залез. Я ножки вытянул, носочки вытянул и так залез, и тренер сразу записал меня на спорт. Там вообще-то еще один мальчик пытался. Но у него еле-еле получилось, и его записывать не хотели, потом записали, потому что мама очень просила. А потом я еще сделал мостик, и тренер сказал, что очень хорошо.

Но мама торопилась и не слушала Вову.

Папа тоже торопился, но слушал все-таки.

Папа всегда слушал Вову, когда Вова что-нибудь говорил, – слушал и внимательно на него смотрел. Сейчас папа тоже смотрел на Вову – с большим удивлением взирал на своего врущего сына.

– Что ты такое говоришь! – не выдержал он. – Ведь было все не так, было все наоборот, как тебе не стыдно!

– Так, так, так, – воскликнул Вова, – не наоборот, не наоборот! – На глаза у него навернулись слезы самой неподдельной обиды. – Как же не так, когда так!

И папа не стал с ним спорить.

3. Самым трудным был все-таки прыжок

Очень трудным было упражнение под названием спичаг. Значит, так: нужно было забраться на параллельные брусья – лягушкой, как угодно, неважно как. Потом, вытянувшись в упоре, сделать прямыми ногами угол. Да не прямой, а острый. Так называемый высокий угол. Ох, это было нелегко! На мгновение сложиться в не очень острый угол у Вовы еще получалось, да и то ноги все-таки немного сгибались в коленях. А задерживаться в высоком угле – зафиксировать – было выше его сил. А потом – самое-то трудное начиналось потом! Потом нужно было, не разгибаясь, не раскладываясь, поднять вверх попку, развести ноги в стороны и соединить их, будучи уже в стойке. Не выходило у Вовы это дело. Вернее, так: если тренер помогал ему – более или менее выходило. А самостоятельно не выходило никак. Хотя Вова старался. Тренер видел, что Вова старается, но не похвалил ни разу. Один только раз почти похвалил. Это когда у Вовы почти получилось. Тренер сказал ему тогда:

– Почти молодец.

А полного «молодца» Вова не заработал ни разу.

А Сережа Балясный часто получал «молодца».

Правда, один раз, в самом еще начале, Сережа всех насмешил. Это когда они к спичагам только еще стали приступать.

Тренер сказал Сереже:

– Подними таз.

Оказалось, это попку в спорте называют тазом. Но Сережа этого не знал, поэтому он слез с брусьев и принялся поднимать таз с магнезией. Это даже был не таз, а такая мягкая металлическая чаша на треноге, и Сережа стал ее вместе с треногой поднимать. Но, конечно, не смог. Тренер тогда всем объяснил, что такое таз, и все засмеялись, а Сережа обиделся. И стал лепить что-то из пластилина. Открутится на снаряде и сидит лепит. Тренер, когда заметил, отобрал у Сережи пластилин, вернее, то, что он из него вылепил. А Сережа вылепил мальчика, который держал в руках таз. Над головой. Как штангу.

Очень похоже вылепил: мальчик – как прямо настоящий.

А тренер все равно рассердился – не посмотрел, что мальчик как настоящий. Он сказал строго, что Балясный – перспективный спортсмен, и ему нужно много и упорно работать над собой, а не лепить человечков, чтобы больше этого не было.

А Балясный в ответ заплакал.

Тренер вообще-то не обращал внимания, если кто заплачет: мало ли, стало больно от растяжки или от ушиба – человек и заплакал. Поплачет и перестанет.

А Вове стало жалко Балясного, и он спросил:

– Ты чего, Балясный?

И Балясный ответил:

– А я лепить люблю!

И Вова храбро заявил тренеру:

– А он лепить любит!

И ребята посмотрели на Вову с уважением: сам не может сделать спичага, а сам не боится, заявляет.

Тренер тоже посмотрел на Вову – но без всякого особенного уважения – и спокойно сказал:

– Розенталь, тренируйся давай на ковре. И Вова стал на ковре тренироваться.

Но самым трудным был все-таки прыжок.

По крайней мере, для Вовы.

Может быть, все дело в том, что снаряд, через который приходилось прыгать, имел странное название. Он назывался козлом. Козел стоял, расставив ноги и выгнув спину, и ждал Вову. Вова смело начинал разбегаться, но по мере приближения ему начинало казаться, что козел сейчас взбрыкнет, подбросит Вову и насадит на рога. От этого Вова сбивал ногу, терял темп, терял скорость, терял все на свете и в конце концов не взлетал над козлом, а наваливался на него грудью или, в лучшем случае, животом. Это было стыдно, что и говорить. Потому что для того же Балясного Сережи козел был не преграда, Сережа перелетал через него как пушинка. А о Потапове Коле и говорить было нечего. Потапов Коля был хоть и младше Вовы, а крупней и мощней, у него уже была развита мышечная система, и выглядел он как настоящий взрослый гимнаст, только уменьшенный. Коля не бежал – летел над дорожкой, на толчковый мостик опускался с воздуха, мощно отталкиваясь, и этот метр от мостика до снаряда действительно пролетел ласточкой, расставив руки...

А Вова никак не мог козла преодолеть. Плохи были его дела. Плохи, плохи. Ведь в этом же зале девочки занимались, и одна девочка, Султанова Оля, была красивая, как сказка.

Она делала вольные упражнения с танцами, фляками и бланжами, крутилась в воздухе, как заведенная, и заканчивала, приняв триумфальную позу, и на ее смуглом лице появлялась невозможно белозубая улыбка, и карие глаза весело сверкали из-под черной, как смола, челки.

Она нравилась не только Вове. Она нравилась всем другим ребятам тоже. Но все другие ребята прыгали через козла, а Вова не прыгал.

Счастье еще, что Оле некогда было смотреть, как тренируются мальчишки. Ей было не до них. У нее своих дел было по горло. Тем более что Олин тренер, огромный, как мамонт, и уса́тый, как тигр, Ян Янович, никогда Олю (это Олю-то!) не хвалил, а напротив, ругал ее, упрекал, поучал больше, чем других девочек. Потом, спустя некоторое время, Вова понял, что, если тренер кого больше всех шпыняет, это значит, что у этого человека лучше всех получается, и тренер над ним работает, чтобы получалось еще лучше, чтобы довести этого человека в дальнейшем до мирового класса. А если кого, как, например, Вову, не ругают и не шпыняють, значит, никакой надежды в смысле мирового класса на этого человека не возлагают. Но сначала Вова этого не понимал и жалел Олю Султанову.

Однажды папа Розенталь пришел в зал посмотреть, как его Вова успевает. И когда увидел, что Вова вовсе не успевает как раз в прыжке, подошел к тренеру и сказал, что, если можно, он сам потренирует Вову и научит. И тренер разрешил.

И Вовин папа разделся и остался в плавках.

Конечно, у папы был не такой торс, как у Вовиногo тренера, и не такой, как у мамонта Яна Яновича, он был все-таки никакой не толстый, а довольно стройный и вполне мог находиться в гимнастическом зале без одежды.

Папа пододвинул мостик к самому козлу, попросил Вову стать на него и попрыгать, держась руками за кожаную спину снаряда. Это было совсем не трудно. Папа говорил: «Выше!» – и Вова прыгал выше и один раз запрыгнул на козла и посидел на нем на корточках. Козел стоял покорно, не шевелился. И Вова, осмелев, стал через козла перепрыгивать – сначала с места, зацепляясь ногами и падая в поролон. Потом стал напрыгивать на мостик с маленького разбега, потом с большого – и стало получаться! И стал прыгать почти как надо, и не падал после прыжка! Это было счастье! Лететь и не бояться! Самое что ни на есть настоящее счастье!

– У, козлище! – в азарте проговорил Вова и оттащил толчковый мостик от козла, ну не на метр, но уж на полметра – это точно, и еще потом немножечко отодвинул. И перепрыгнул, и папу поцеловал в восторге.

Все остальные ребята занимались в это время на перекладине.

– А Розенталь уже прыгает через козла, – сказал Потапов басом.

Он всегда говорил басом – с самого почти что рождения. Он даже, когда еще говорить не умел, вякал басом, наверное. Вот его, наверное, принесли из родильного дома, он завякал

своим басом, а его мама не поверила, что это он, подумала, что это папа вякает, и говорит папе: «Ты чего вякаешь, ты опять водки напился?» А его папа и отвечает: «Ничего я не напился водки, это как раз ты выродила такого Потапова, что он вякает басом не хуже меня...»

Тренер взглянул на козла и сказал:

– Давай, Розенталь Вова. И Вова прыгнул как надо.

– Ну вот, другое дело. «Молодец» не сказал, да это и понятно: другие давно уже научились, за что тут «молодец» говорить.

А Балясный Сережа тем временем лепил.

Он вылепил мальчика и взрослого дядю, причем рука взрослого лежала на плече мальчика.

– Это ты своего папу вылепил? – спросил его Вова.

– У меня нет своего папы, – ответил Сережа. – Я вылепил твоего.

4. Отцы оказались в полном порядке

Вова сказал папе:

– Дай мне завтра на спорт два яблока: для меня и для Потапова.

– Почему именно для Потапова? – спросил папа.

– Я его жалею, – сказал Вова. – Он вчера плакал. И сегодня тоже. Он плакал, потому что у него собака пропала.

– Может быть, найдется? – предположил папа.

– Теперь уже нет, – вздохнул Вова. – Потапов-папа увез собаку в лес и там бросил.

– Специально? – удивился папа.

– Специально, – подтвердил Вова. – За то, что она ябеда.

– Кто ябеда? Собака? – еще сильнее удивился папа.

– Собака, – объяснил Вова. – Если Потапов-папа пойдет водки попить, она за ним увязывается. Потапов-папа со своими знакомыми как откроют бутылку, как пробку выбросят, а собака как пробку схватит, и как домой побежит, и как Потаповой-маме пробку покажет! Потапова-мама как закричит! «Он, – кричит, – что, опять водки напивается?» А собака головой кивает, ябедничает. Ну, Потапова-мама надевает пальто, говорит: «Веди». Собака ведет. Вот он ее за это и увез в лес.

Вова, рассказывая, смотрел на папу во все глаза, зрачки его расширились, он даже покраснел от волнения. Он помолчал совсем немного и, прежде чем папа успел что-нибудь сказать, добавил:

– Потапов-папа уже не в первый раз ее в лес увозит. Один раз он даже хотел переехать ее своим грузовиком. Он ее посадил посреди дороги и говорит: «Сидеть». Она послушная, сидит. Он отъехал задним ходом, потом как разгонится, чтобы ее колесом переехать! И уже думал, что переехал, оглянулся, а собака сидит на том же месте, смеется и язык показывает, дразнится. Понимаешь? Она легла между колесами, а когда Потапов-папа проехал, опять села. Он ее двадцать пять раз давил, а она никак не давилась. Тогда он ее бросил и домой уехал, а она домой прибежала по запаху. А теперь он ее так далеко увез и так все вокруг бензином побрызгал, что она ни за что не найдет... А Потапов Коля ее любит.

– Как можно не любить такую умную собаку, – согласился папа и дал Вове два яблока и еще в придачу две конфеты «батончик».

Вова последнее время здорово завирал, но с таким жаром, что Розенталь-старший не решался его осаживать. Например, однажды они шли по улице, беседуя, а возле одного дома на скамеечке сидела какая-то старушка, она проводила их взглядом. Она всех, наверное, проводжала взглядом, потому что – чем же ей было еще заниматься, сидя на скамеечке возле дома? А Вова посмотрел на старушку внимательно и даже, когда прошли, оглянулся.

– Ты что, знаешь эту старушку? – спросил папа.

– Знаю, – не моргнув, соврал Вова. – Это хорошая старушка. Я вчера на улице пять рублей нашел, ей отдал.

– Ну и ну! – восхитился папа. – Силен ты, Вова!

– А что, – пожал плечами Вова. – Что жадничать!

Что же касается Потапова Коли, то Вова, придя на другой день с тренировки, рассказал, что все ребята, оказывается, принесли Потапову кто яблоко, кто конфету, кто пепси. Для Потапова это все было кстати, потому что у Потапова, у одного в группе, был зверский аппетит. Тренер только не разрешал ему есть торт, пирожные и кашу. И все. Остальное разрешал. Потапов пробурчал своим басом «спасибо», но гостинцы не принял, вернул.

– Почему же не принял? – спросил папа.

– Потому что Потапов честный, – горячо объяснил Вова. – Дело в том, – сказал он, – собака, дело в том, что все равно домой прибежала. Вот он и не принял. Если бы не прибежала, Потапов бы все съел, а так мы на всех поделили. И для собаки отложили. У нее тоже, Потапов сказал, зверский аппетит.

Однажды в пятницу Вова заявил: тренер велел, чтобы завтра утром все отцы пришли в спортзал, им всем, отцам, придется поработать.

– Ты здесь ничего не сочиняешь? – уточнил папа.

Вова заверил, что здесь – нет.

В субботу Владимир Розенталь отправился в спортзал. Они подходили к зданию спортклуба, весело скрипя первым снежком, отцы юных спортсменов всех трех групп, и знакомились:

– Вы чей будете?

– Я – Перекатова Алеши. В первую смену занимается.

– Лена Перекатова тоже ваша?

– Наша, наша. А вы?

– Я – Розенталя Вовы отец.

– Так Лена же с вашим Вовой в одном классе учится...

– Да, я знаю. И она тоже занимается гимнастикой.

– У нее уже второй взрослый разряд.

– Это в восемь лет?

– Девочки же раньше начинают...

– Мой – Потапов Коля... Здравсьте.

Отец Потапова Коли был слегка полноват, слегка одутловат, слегка небрит, но бодр и энергичен.

– Чего делать-то надо, никто не знает?

Владимир Розенталь смотрел на него с любопытством.

Он против воли представил себе, как этот человек садится в машину, скажем в «КрАЗ», и, насунив брови, дает газ, а на шоссе сидит дисциплинированная собачка.

Хотя все это конечно же было чистейшей фантазией.

– Здравствуйте, товарищи отцы! Это был тренер.

Пыжиковая шапка. Импортная куртка. Сапожки на каблуках. Тренер был в полном порядке. Да и отцы при ближайшем рассмотрении оказались в полном порядке. В том смысле, что все, за исключением, может быть, Потапова, вид имели подтянутый, в общем, даже спортивный. Как это бывает: можно обойти яму, а человек перепрыгнет с удовольствием...

Розенталь подумал, что не случайно это. Кто приучает своего ребенка к спорту? Тот, кто сам любит спорт, в свое время занимался чем-нибудь.

Тренер объяснил суть дела. Спорткомитет выселяет мальчиков из спортивного зала. В зале будут заниматься только девочки. Для мальчиков отводится другое помещение. Но его нужно полностью оборудовать. И в этом деле вся надежда вот на отцов. Пошли посмотреть помещение. Это был продолговатый зал, раза в четыре меньше того, который оставался девочкам. Но если толково расположить снаряды, то в нем вполне можно заниматься. Значит, нужно построить гимнастический помост длиной в двадцать пять метров и высотой в метр. Для того чтобы мальчики прыгали с помоста в поролоновую яму и, прыгая в такую безопасную яму, смело крутили передние и задние сальто – одинарные, двойные, бог даст – и тройные. Еще один помост – для брусьев, чтобы и с брусьев соскакивали в поролон. Ну и саму поролоновую яму – эдакую огромную песочницу, набитую поролоновой стружкой. Стружку дадут, доски и фанеру – тоже, и краску. Потому что помещение грязное. Стены и потолок нужно покрасить, в том числе – раздевалку и туалет. Срок – три месяца. Беремся?

– А если не беремся?

– Тогда мужскую гимнастику закроют. У нас результатов нет, мы только начинаем, возиться с нами никто не станет.

– Что ж, мужики, тогда беремся. Для своих пацанов поработаем.

– Куда денешься...

– Не загнивать живому делу...

– А может, и лучше по выходным – чем телевизор смотреть до одурения...

Одним словом, взялись.

Всего отцов собралось в этот раз человек пятнадцать.

Стали выяснять, кто что умеет. Оказалось, кое-кто кое-что умеет. Например, Потапов умеет взять и привезти на своей машине доски. Один был среди отцов майор – он, оказалось, умеет прислать на разгрузку помощь в виде трех-четырех солдат. Если будет такая необходимость. Один был металлист, он взялся крепеж изготовить на заводе, болты принести, шурупы. Один оказался вообще бригадиром плотников. Он тут же достал из кармана карандаш и заложил его за ухо. И стал мерить помещение шагами. Вовин папа, Владимир Розенталь, сказал, что умеет все, если ему покажут – как. Перекатов тоже в таком духе высказался. Он работал в порту крановщиком, работы не боялся никакой. Да и никто из отцов работы никакой не боялся, хотя были среди них и люди сугубо умственного труда. Например, один кандидат наук, один искусствовед и один главный инженер. Главный инженер обладал к тому же некоторыми дополнительными возможностями. Был бармен еще. Бармен сказал, что он работать будет нерегулярно. Потому что, во-первых, он скоро отправляется в заграничную поездку, а во-вторых, суббота и воскресенье у него, как правило, заняты. По крайней мере, с обеда. Но зато в конце процесса, по завершении работ, он берет на себя устройство дружеского ужина в финской бане с использованием самых лучших и недорогих продуктов.

В следующую субботу привезли доски. Доски были длинные, не уместались в лестничном проеме, а зал находился на втором этаже. Пришлось подавать их в окно – это была цирковая работа! Тяжелые сороковки и пятидесятки ставили на пола прямо в кузове и втроем осторожно поднимали, поддерживая, а из окна тянулись две пары рук, хватали, втягивали, наваливались на короткое плечо рычага. В частности, кандидат наук навалился, а Потапов, тренер и Владимир Розенталь подавали доски, стоя в кузове. Главный инженер тоже был на подхвате, там, наверху. А бармена не было. Но тут никто ничего не говорил: все понимали, человек занят. Тем более он предупредил. И тем более обещал финскую баню.

5. Глупая, но добрая

Вова Розенталь учился хорошо, а Лена Перекатова – плохо. Зато поведение у Лены было примерное, а у Вовы – удовлетворительное. Потому что он бесился на переменах. И дрался. Однажды он пришел из школы и объявил:

– Я сегодня в школе подрался.

– Как так? – сдержанно спросил папа. – Почему? «Ругать или не ругать?» – соображал он, призывая на помощь все обрывки педагогической мудрости, которые имелись в его распоряжении. Значит, так: драки, как и войны, бывают справедливые и несправедливые. Важно, из-за чего драка, кто первый начал и с кем подрался – со старшим или с младшим. С младшим нельзя драться никогда.

Но Вова ответил совершенно неожиданно.

Он сказал:

– Я на уроке сидел, сидел. Не двигался. И мне так захотелось подраться! Как звонок прозвенел, я пошел и подрался.

– С кем? – спросил папа.

– С четвероклассниками! – гордо ответил Вова. – Их было трое. Я одному дал в поддыхало, и он упал. Другому дал подножку, и он тоже упал. А третий сам убежал.

– А ты?

– А я через этих переступил и пошел в класс, уже урок начинался.

– Вова, – грустно сказал папа, – ну что это такое? Ты опять врешь.

– Не вру, – с обидой выпалил Вова. – Вот и не вру!

Я вообще никогда не вру! Вот это видел? Смотри сюда: мне тоже немного дали, прежде чем я их уложил!

У Вовы под левым глазом действительно намечался небольшой, но вполне определенный синяк. Что намечался, то намечался. Кто его знает, как было на самом деле? Во всяком случае, Вова был уверен, что все было так, как он только что рассказал.

А в Лене бойкости никакой не было. Она всегда терялась, когда ее о чем-нибудь спрашивали, не знала, как ответить, слов не находила. А когда не спрашивали, тем более молчала. Писала плохо, считала неважно, читала с трудом. Один раз Лена даже по физкультуре чуть двойку не получила. Физкультура была в школьном зале. Учительница всех построила и велела правую руку поднять вверх, а левую отвести в сторону. А потом – левую вверх, а правую вниз. А потом – правую руку в сторону и левую ногу в сторону. В общем, Лена запуталась и стала просто стоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.